

Василий Брусянин

Ни живые – ни мёртвые

Василий Васильевич Брусянин

Ни живые – ни мёртвые

Серия «Ни живые – ни мёртвые»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9246368

Аннотация

«Минувшей ночью Игнатию Иванычу почему-то не спалось. Лёг он накануне, после сытного ужина, в хорошем расположении духа и даже скоро заснул, но тут как вихрь какой, таинственный и беспокойный, налетели на него сновидения – и чего-чего только ни снилось ему, и всё такое нехорошее. Проснётся Игнатий Иваныч с тревогой на душе, повернётся на другой бок, не раскрывая глаз, снова забудется – и опять сновидения... Утром проснулся он позже обыкновенного, обильно смочил водою голову, расчесал бороду и усы, помолился Богу и уселся пить чай. Сидя на диване за круглым столиком, после ночи с тревожными сновидениями, он хмуро посматривал на оконные рамы, по стёклам которых катились дождевые капли, и прислушивался к шипению потухающего самовара. Газетный листок, лежавший около него на мягком сидении дивана, оставался неразвёрнутым – читать не хотелось; стакан жидкого чая с плавающим кружком лимона – остыл; остывшими казались и все чувства Игнатия Иваныча: и думы, и ожидания, и мечтания. Бывают у Игнатия Иваныча такие странные настроения, и нередко. На жизнь

он никогда не роптал, положением своим был доволен, не нарушали его настроений и денежные дела, в которые он был всецело погружён; а вот подите – и ему не чужды колебания в ежедневных настроениях. Раньше, в молодости, ещё смущало его иногда одиночество и жажда семьи, а теперь и этого не чувствовалось: сорок девять лет, прожитые Игнатием Иванычем, всё изменили...»

Содержание

I	5
II	11
III	16
IV	24
V	30
VI	42
VII	53
VIII	65

Василий Брусянин

Ни живые – ни мёртвые

I

Минувшей ночью Игнатию Иванычу почему-то не спалось. Лёг он накануне, после сытного ужина, в хорошем расположении духа и даже скоро заснул, но тут как вихрь какой, таинственный и беспокойный, налетели на него сновидения – и чего-чего только ни снилось ему, и всё такое нехорошее. Проснётся Игнатий Иваныч с тревогой на душе, повернётся на другой бок, не раскрывая глаз, снова забудется – и опять сновидения... Утром проснулся он позже обыкновенного, обильно смочил водою голову, расчесал бороду и усы, помолился Богу и уселся пить чай. Сидя на диване за круглым столиком, после ночи с тревожными сновидениями, он хмуро посматривал на оконные рамы, по стёклам которых катились дождевые капли, и прислушивался к шипению потухающего самовара. Газетный листок, лежавший около него на мягком сидении дивана, оставался неразвёрнутым – читать не хотелось; стакан жидкого чая с плавающим кружком лимона – остыл; остывшими казались и все чувства Игнатия Иваныча: и думы, и ожидания, и мечтания. Бывают у Игнатия Иваныча такие странные настроения, и

нередко. На жизнь он никогда не роптал, положением своим был доволен, не нарушали его настроений и денежные дела, в которые он был всецело погружён; а вот подите – и ему не чужды колебания в ежедневных настроениях. Раньше, в молодости, ещё смущало его иногда одиночество и жажда семьи, а теперь и этого не чувствовалось: сорок девять лет, прожитые Игнатием Иванычем, всё изменили...

Часу в одиннадцатом в маленькую квартирку Игнатия Иваныча позвонили. Пока толстая и рябая старуха кухарка ворчала, заслыша звонок, и медленно с перевальцем двигалась к двери, чтобы впустить гостя, Игнатий Иваныч задавался вопросом – кто бы это мог придти так рано и при этом ещё так бесцеремонно громко звонить?

– Дома? Встал?.. А-а... хорошо, хорошо! – слышался в прихожей густой голос.

На пороге появился длинный и тощий господин, в сюртуке, с шарфом, обмотанным вокруг шеи, и с мокрым от дождя котелком в руках. Лицо господина было сухошаво и морщинисто, без усов и бороды, как у ксёндза, глаза серые и быстро бегающие, руки длинные и красные, с траурными, давно нестриженными ногтями на пальцах.

– Читал? А? Игнатий, читал?.. – забрасывал вопросами вновь прибывший, здороваясь с хозяином.

– Что читал? Ничего я не читал, – сумрачно ответил Игнатий Иваныч.

– Что?.. Газетное объявление... Да вот у тебя и газета под

носом.

Перегнувшись длинным корпусом через кресло, на котором мирно дремал большой белый кот, гость развернул небольшой тоненький лист уличной газетки, почти сплошь заполненный объявлениями.

– Нет, ты представь себе. Должно быть, это очень выгодное предприятие!.. Вот погоди – слушай: «Приглашаются компаньоны с капиталом в 2–3 тысячи для участия в хорошо поставленном и выгодном предприятии, с личным трудом и без оногo. Спр. в конторе К. предъявителю кредитного билета трёхрублёвого достоинства № 267825».

Гость прочёл объявление, выпучил на Игнатия Иваныча свои серенькие глазки и воскликнул:

– А!.. Брат!.. Игнатий, едем!.. Право, попытаем счастье!..

– Вот ты всегда так – «попытаем»... Пытали мы с тобой не раз, да чуть было не заварили каши... Попытаем!.. – наконец возразил всё время молчавший Игнатий Иваныч.

– Чудак! Да ведь мы не обязаны ничем: справимся, подумаем... ну, тогда...

– Горяч ты, Порфирий Иваныч... Чуть что прочитаешь – то ты и лыко в строку, чуть что услышишь – то тебе горы золота... Что же попусту-то ездить, на извозчика или на конку тратиться. А погода-то вон какая!

Игнатий Иваныч махнул рукою по направлению окна и отхлебнул из стакана чай. Порфирий Иваныч также покосился на окно и равнодушно ответил:

– Что ж тебе погода? Ты пойми, чудак, 2–3 тысячи рублей, ведь это пустяки. А вдруг, это дело выгодное! На биржу мы редко ходим, на скачках нам не везёт...

– Я сколько раз говорил тебе не упоминать об этих проклятых скачках! – гневно воскликнул Игнатий Иваныч; лицо его побледнело, глаза метали искры злобы.

– Ну, хорошо, хорошо...

Порфирий Иваныч прогнал с кресла кота, уселся на его место и, немного отвалившись на спинку, продолжал спокойным и вместе уверенным тоном:

– Слушай меня, брат. Деньги тогда только и интересны, когда они не лежат, а в ходу...

– Ну, пошёл! Давно я это слышал!.. – вздумал было возразить Игнатий Иваныч, но брат его прежним топом продолжал:

– Ничего, что слышал – послушай и ещё... Ну, так вот-с: деньги – вода. Застойтса вода в болоте или в озере, и рыба в ней начнётдохнуть; а как в реке какой или ручье, а то и в море... льётся она там, крутит, бурлит... глядишь, что-нибудь и несёт: щепотку какую, а то и целое брёвнышко... Вот так и деньги: залежатся они у тебя в сундуке или в бумажнике, и дух от них нехороший пойдёт, а как ты встряхнёшь ими по молодецки, так они тебе и дадут!.. Помнишь, что говорил отец-то на смертном одре?

– Помню, – угрюмо подтвердил Игнатий Иваныч.

– Ну, так вот. Не забывай этого. Только с такими принци-

пами отец и нажил деньги... да... Он, брат, не тушил их! Да, не тушил!..

Порфирий Иваныч встал, прошёлся по комнате, побарабанил по подоконнику пальцами, проходя мимо окна, и, возвратившись к столу, продолжал деловым тоном:

– С Иваном Лукичом сегодня встретился, на биржу он ехал... Замахал этак зонтиком, остановил извозчика, да и подозвал меня. «Читали, – говорит, – в нынешнем номере?» – «Как же, – говорю, – читал». – «Ну, то-то, – говорит, – а всё жалуется, что нынче все дела в застое!» и поехал дальше...

– А что же это твой Иван Лукич сам не направился в контору К., вместо того, чтобы на биржу-то ехать? – с иронией в голосе спросил Игнатий Иваныч, вспомнив о своей неудаче на скачках, которая, по его глубокому убеждению, имела место, только благодаря подстрекательству Ивана Лукича.

– Странный ты! – возразил Порфирий Иваныч. – Иван Лукич – человек чуть ли не миллионщик, а мы с тобою что?.. Как на скачках продулись, и нос на квинту?..

– Опять! – грозно оборвал брата Игнатий Иваныч.

Гость понял, к чему относился этот грозный окрик, и перевёл разговор с неприятной для брата темы о скачках на вопрос дня, а таким вопросом было переполошившее его газетное объявление.

– Две-три тысячи... пополам – это будет тысяча или полторы. Разве ты многим рискуешь, если, положим, дело не

удастся, а при благоприятном исходе... – Кто знает, что это за дело, о котором публикуют... Вдруг, брат, мы с тобою нападём на такие золотые россыпи!.. Надо быть, голубчик, американцем. Ты, я вижу, отстал, а почитай-ка какие чудеса описываются там: деньги смело вкладываются в предприятие, и подчас создается такой чудеснейший процент!..

Долго ещё говорил Порфирий Иваныч о деньгах и о том, как надо поступать с ними, чтобы они не залёживались, а напротив, крутясь в вихре дел, увлекали бы за собою и человека. Для того, чтобы расшевелить и увлечь брата, Порфирий Иваныч вспоминал о тех случаях, когда увлекал его в различные предприятия, и когда он выходил победителем, следя за ростом собственного капитала и ещё больше становясь податливым на другие смелые шаги в области финансовых операций. Кончил Порфирий Иваныч тем же, с чего начал – газетным объявлением, стараясь убедить брата, как хорошо вдвоём начинать дело...

II

Лет десять тому назад братья получили наследство после смерти отца, разделили доставшийся капитал по семи с половиною тысяч и зажили каждый по своему. До того счастливого времени старший из них, Игнатий, служил в банке, младший, Порфирий – в конторе какого-то железнодорожного туза. Получивши наследство, оба брата, словно сговорившись, ушли со службы и занялись денежными делами. Начали они со скупки дач в пригородных местностях столицы. Скупив дачи, они заново отделявали их и перепродавали с большим барышом в другие руки, и эти выгодные операции поощрили молодых капиталистов на дальнейшие смелые предприятия. Помимо этого, Порфирий Иванович увлекался скачками и игрой на бирже и, благодаря своим способностям, втянул в это дело и брата. Во всех своих действиях и предначертаниях деловых планов Порфирий Иванович как заипнотизированный подражал некоему Ивану Лукичу, который, начав с грошовых, но смелых предприятий – теперь богач, столичный домовладелец и гласный городской думы.

Игнатий и Порфирий Петрушкины во многом были похожи один на другого: одинаково любили они деньги, охотно подчиняя себя их власти; оба были скупы, расчётливы и недоверчивы к людям, и оба не любили людей, старательно охраняя себя от них, вместе с тем, стараясь взять от них

«многое» и «ничего» не дать взамен. Люди также не любили их, за исключением тех, кто служил им. Только в одном непохожи были братья друг на друга. Порфирий Иванович довольно охотно характеризовал себя «американцем», в этой характеристике не отказывали ему и другие, наблюдая смелость и энергию, с которыми он пускается в разные спекулятивные предприятия, а Игнатий Иванович, напротив, был сдержан и рассудителен. Деньги свои вкладывал он в такие предприятия, которые на языке дельцов называются «верными делами». Экспансивный и смелый «американец», Порфирий, влиял на брата, и тот слушался его, но вот, однажды, Игнатий Иванович, благодаря подзадориванию брата и Ивана Лукича, проиграл на скачках семьсот слишком рублей и после проигрыша впал в меланхолию, проклиная и совратителей и самые скачки, и дав себе слово никогда не пытаться этого призрачного счастья. Порфирию не нравилась происшедшая с братом перемена, но потом он пришёл к заключению, что на брата лучше всего действовать логикой рубля; надо втягивать его только в такие предприятия, в успехе которых никто не мог бы усомниться. После одного крупного разговора, когда Игнатий Иванович позволил себе незаслуженно оскорбить брата разными неблагоприятными намёками, между ними произошла ссора. Месяца два после этого младший брат не бывал у старшего и последнего не приглашал к себе. Порфирий в это время увлекался биржей, где ему постоянно везло, а Игнатий Иванович уединился, не выползая на арену спеку-

ляций и денежных дел. Мало-помалу, однако, вражда утратила свою остроту, и заскучавший по брату Игнатий Иваныч навестил Порфирия, и во время этого свидания состоялось окончательное примирение, хотя прежних отношений между братьями уже не было: Порфирий Иваныч и думать не смел, чтобы совратить брата на какое-нибудь денежное предприятие.

Прошло года полтора, в продолжении которых Игнатий Иваныч жил, ничего не предпринимая, проедая купоны, которые то и дело приходилось отрезать. Этот процесс «отрезания» довольно своеобразно повлиял на психику Игнатия Иваныча.

Раньше, участвуя в предприятиях, он видел, что, несмотря на некоторый риск, всё же чаще выходило так, что, подводя итог к концу года, Игнатий Иваныч замечал увеличение своего капитала, а, за год бездействия – капитал этот увеличивался лишь обычным процентом, который не удовлетворял Игнатия Иваныча, тем более, что часть его приходилось проживать. Это обстоятельство вогнало Игнатия Иваныча в тоску, и он заскучал, проклиная неприятный инцидент с братом, – и ему снова захотелось дела, суетни и беготни под приятное бряцание золота... Несколько раз и очень осторожно почему-то он старался намекнуть брату, что не прочь снова вступить с ним в компанию и припасть к какому-нибудь источнику обогащения. Догадливый Порфирий Иваныч, конечно, сообразил, в чём дело, следя за оттенками

речи брата и вылавливая тщательно скрытые намёки; лучше врача понял он, отчего брат побледнел и осунулся и кажется таким скучным и убитым. И Порфирий Иваныч терпеливо стал выжидать случая, когда можно бы было возвратить брата к прежней жизни. Случай этот представился ему, когда он прочёл таинственное газетное объявление, такое привлекательное в своём замаскированном соблазне. Вот почему он и приехал к брату в это пасмурное осеннее утро...

– Ну, так как же, Игнатий, поедем? – спросил наконец Порфирий Иваныч после продолжительной паузы.

– Уж и не знаю, что делать, – растягивая каждое слово, отвечал тот, – поехать, конечно, хорошо, и отчего бы не поехать...

– Ну, так в чём же дело?..

– А дело, видишь ли, в том – что это за дело такое? Даром бы не проехаться?..

– Чудак, право!.. Ну, там увидим!..

Игнатию Иванычу страшно хотелось поехать, и своей нерешительностью он хотел только показать брату, что его собственные убеждения теперь уж не так-то легко поколебать, и что теперь он уже не тот легкомысленный Игнатий Иваныч, которого раньше легко было вовлечь в какое угодно предприятие, лишь бы только показать издали проценты, хотя бы в виде неверного предположения. В действительности же, теперь больше, чем когда-нибудь, Игнатий Иваныч был слаб перед соблазном этого всемогущего процента...

– Да уж что раздумывать – поедем, что ли! – наконец согласился он, поднявшись с дивана.

III

Братья вышли на улицу, в осенних пальто с приподнятыми воротниками, с засученными у сапог панталонами и в галошах. В руках каждого из них было по зонту, сердце каждого сосал какой-то червь ожиданий, весьма приятно щеко-чущий нервы.

Шёл мелкий осенний дождь, было холодно; улицы и дома казались тёмными и скучными, люди были недовольны непогодой – спешили, бранились и нервничали... Весело беседуя, братья добрались до Владимирской по конкам и вышли из тесного вагона, направляясь в справочную контору. Здесь они получили от какого-то господина адрес предпринимателя, напечатавшего объявление, и снова вышли на холодную и мокрую улицу. Порфирий Иваныч немного прозяб и начал соблазнять брата зайти в ресторан на той же улице, но тот не сразу на это согласился. Игнатий Иваныч скрывал, но его положительно колотила лихорадка ожидания, и ему, как только возможно скорее, хотелось добраться по адресу и узнать, что это за таинственное предприятие?

– Зайдём ненадолго, выпьем по рюмочке, закусим, да и в путь-дорогу! Ехать далеко!.. Может быть, в ресторане ко-го-нибудь из наших встретим, – старался уговорить брата Порфирий Иваныч.

Забежавши в ресторан, закусивши и не встретив никого

из «своих», братья пустились в дальнейшее путешествие в роты Измайловского полка. Оба решили, что ехать удобнее и приличнее случаю на извозчике, и, немного поторговавшись с хмурым от непогоды «Ванькой», уселись в пролётку с приподнятым верхом и поехали. С извозчика сошли они около четырёхэтажного коричневого дома на пятой роте. Игнатий Иваныч осмотрел дом, проверил, тот ли номер красуется на фонарике у ворот, и потом взор его скользнул по рядам окон. У ворот направо была мелочная лавочка, по другую сторону ворот виднелся подъезд, а дальше, над дверью, ведущей в подвальный этаж, была прибита вывеска с изображением гроба; на тёмном фоне вывески золотыми буквами значилось «Гробовое заведение П. Ф. Силина»; другие две вывески прибиты были по сторонам двери и на каждой из них было написано: «Гробы разных вероисповеданий, а также металлические и проч.»

Игнатий Иваныч машинально прочёл эти надписи, посмотрел на мрачное изображение гроба на вывеске и отвернулся: мрачным вдруг стало и его лицо. С детских лет Игнатий Иваныч всегда побаивался смерти, и какой-то безотчётный, необъяснимый страх преследовал его всякий раз при виде покойника, гроба, похоронной процессий и других атрибутов смерти; всё это дурно настраивало его одинокую душу. С неприятным чувством отвернулся от вывески Игнатий Иваныч и в это утро и принялся торопить брата, который, благодаря недостатку в какой-то мелочи, никак не мог рас-

считаться с извозчиком. Братья звонком вызвали дворника и спросили, как пройти в квартиру N 17. Дворник указал на дверь налево. Около двери на облезлой, смоченной дождём стене была прибита жестяная дощечка с изображением гроба и руки, указывающей перстом куда-то вниз. Игнатий Иваныч отвернулся от изображения гроба и влез в воротник пальто, а Порфирий Иваныч, напротив, по близорукости, вплотную подошёл к дощечке и, равнодушным взором окинув начертанное на ней, последовал за братом. Из холодных и сырых сеней двустворчатая дверь вела в квартиру гробового мастера Петра Флегонтыча Силина; на двери была прибита медная дощечка с именем, отчеством и фамилией последнего.

Дверь братьям открыла девушка лет пятнадцати. Пропустивши посетителей в маленькую прихожую, она посторонилась и вопросительно посмотрела в лицо Порфирия Иваныча; тот объяснил ей причину своего визита. Из двери направо, застёгивая пуговицы короткого пиджака, вышел невысокий толстяк, с лысой головой, широким лицом, тёмной бородкой и плутоватыми карими и блестящими глазками.

– Прошу покорнейше... Проходите... пожалуйста! – говорил он, указывая на дверь прямо, и, пропуская братьев в узенький коридорчик, просил проходить осторожно, так как по обе стороны прохода стояли прислонённые к стене и лежали группами какие-то доски различной длины и толщины.

В коридоре пахло сырым деревом и скипидаром.

– Пожалуйста налево, в контору! – командовал сзади идущий

щий толстяк.

Братья повиновались и, дойдя до двери налево, приостановились. В комнате с низким потолком, которая носила название конторы, у окна стояла конторка, два-три мягких стула размещались около неё и вдоль стены. Около же левой стены комнаты и в простенках между окнами, стояли один на другой взгромождённые гробы, обитые золотым и серебряным глазетом, с металлическими ручками и блестящими ножками. В раскрытую дверь в помещении магазина также виднелись гробы, шкафы с парчой, металлические венки и другие принадлежности похоронных процессий.

Оба брата невольно поддались какому-то странному и жуткому впечатлению, но толстенький господин как будто и не заметил их смущения, прося посетителей присесть на стулья и вкрадчивым тенорком объясняя, что это действительно он сделал публикацию, вызывая компаньонов для участия в выгодном и хорошо поставленном предприятии. Братья сидели на стульях, всё ещё не отделавшись от неловкого впечатления и прислушиваясь к тенорку словоохотливого хозяина. Особенно жалким казался Игнатий Иваныч. Лицо его осунулось и побледнело, губы отвисли, руки и ноги дрожали, словно его привели в склеп и сейчас же живым положат в один из заготовленных гробов. Он теснился со своим стулом к брату и, слушая толстенького человека, не слышал, что он говорит. Силин деловитым тоном знакомил Порфирия Иваныча с подробностями ведения дела, ссылаясь на выгодность

предприятия, попутно делая какие-то цифровые выкладки и упоминая о каких-то процентах. Порфирий Иваныч, раньше брата отделавшись от мимолётного неприятного чувства, слушал гробовщика с серьёзностью в лице.

– Почему же вы приглашаете компаньонов, если так хорошо идёт ваше дело? – наконец, спросил он, хитро посмотрев в глаза гробовщика.

– Да, видите ли, так уж вышло... Сам-то я ещё тут в одно предприятие вхожу, с кумом своим... Тоже очень выгодное дело... Он, видите ли, имеет специальную велосипедную мастерскую; теперь пришлось дело-то расширить, а деньжонок у него не хватило, ну, я и вошёл к нему, так сказать, пайщиком. Капитал-то свой я вложил туда, а на расширение вот этого-то дела у меня и не хватает, почему я решил опубликовать – не найдутся ли желающие в компаньоны. Дело это, клянусь вам Богом, очень выгодное!.. Хорошо бы этак магазинчик побольше, да пошире бы развернуться...

Порфирий Иваныч с большим вниманием выслушивал рассуждения Силина. Ему нравился этот человек с быстро бегающими плутоватыми глазками. Хорошим чутьём «американца» Порфирий Иваныч угадал, что ведёт беседу с бывалым и опытным человеком, и, ничего ещё не предрешая по части предложения Силина быть его компаньоном, он уже порешил вступить с гробовщиком в деловые отношения. Что работа гробовщика выгодна, об этом знал он и раньше, не раз касаясь этого вопроса с приятелями.

Игнатий Иваныч, напротив, ждал, когда, наконец, поднимется брат, и они уйдут из этого мрачного помещения, от стен которого, тусклых окон почти вровень с мостовой, а главное, от этих гробов – веет удушливым и мрачным склепом; порой ему казалось даже, что гробы эти, плотно прикрытые крышками и составленные друг на дружку, полны покойниками, и от них так отвратительно пахнет. Подвальное помещение квартиры и магазина гробовщика, действительно, было сырое, с запахом невысохших досок и гнили сырых, давно не отремонтированных, стен – и немудрено, если Игнатию Иванычу показалось, что пахнет от гробов... Он необычайно изумился и даже повернулся на стуле, когда услышал голос брата.

– А это интересно! – воскликнул Порфирий Иваныч, прерывая воодушевлённую речь Силина. – Подумать об этом следует. Всё, что вы говорили, Пётр Флегонтыч, это так заманчиво... Как бы с вами поподробнее да поосновательнее обсудить всё это...

Порфирий Иваныч с увлечением развёл руками и, повернув лицо к брату, добавил:

– А?.. Как ты на этот счёт, Игнатий?..

Встретившись с изумлённым взглядом брата, Порфирий Иваныч замялся на секунду, но потом снова переспросил:

– Игнатий Иваныч! Как ты на этот счёт? – и, не дождав-шись ответа брата, обратился уже к Силину:

– Нам бы, знаете, куда-нибудь в ресторанчик, вот мы там

и поговорили бы!.. Кто знает, может быть, до чего-нибудь и договорились бы!..

– Что ж, это хорошо! Здесь, – рукой подать, есть чудеснейший ресторанчик и недорогой! – живо поднявшись со стула, воскликнул Силин.

– Нет, уж я домой!.. – сумрачно проговорил Игнатий Иванович и также поднялся.

– Как!.. – изумился гробовщик.

– Да... видите ли... что-то вдруг под ложечкой заныло... что-то нездоровится... Вон я брату говорил, чтобы он один поехал: третий день что-то нездоровится мне, а тут ещё погода, холод...

– А вот и хорошо бы, знаете ли, рюмочку, другую рябиновочки!.. – старался рассеять печаль на лице Игнатия Ивановича гробовщик.

– Нет, уж я домой! Вы всё с братом переговорите...

Игнатий Иванович протянул было руку гробовщику, чтобы распротиться с ним, но Порфирий Иванович остановил его вопросом:

– Что ты, Игнатий, и вправду нездоров?

– Да!.. Страсть, как больно под ложечкой!..

– Ну, хорошо, до свидания, я вечером заеду к тебе! – решил Порфирий Иванович, не заметив лжи брата и проникаясь сожалением, что вытащил его из дома в такую скверную погоду.

Игнатий Иванович распрощался и ушёл, а брат его вместе с

гробовщиком прошли в мастерскую.

Громадная квадратная комната подвального этажа, в четыре окна, выходящих во двор, была занята мастерской гробовщика. В мрачном и душном помещении стоял шум и грохот от ударов топоров и молотков, лязга и шипения рубанков и пил. Одни рабочие строгали доски, другие пилили, третьи сколачивали остов громадного гроба... В углу, налево, двое рабочих обивали светлым глазетом только что сколоченный небольшой гробик, а рядом с ними у стены рыжий, замазанный краскою, маляр окрашивал светло-коричневой краской сосновый гроб, приставив его к промозглой и сырой стене мастерской... На длинном прилавке два подростка и мастер, видимо, начинали новую работу. На прилавке лежала длинная еловая доска, а мастер с ленточной меркой в руках обмеривал доску, намечая мелком чёрточки, где надо обрезать доску по желанию нового заказчика. В мастерской пахло красками, скипидаром и ещё чем-то неприятным и удушливым; казалось, эти сосновые и еловые доски, перенесённые в низкое помещение, утратили свой древесный запах и приобрели здесь какой-то другой...

– Вот вам и мастерская! – говорил Силин, вводя Порфирия Иваныча в комнату.

Гробовщик снова увлёкся и начал знакомить гостя с тонкостями производства выгодного товара. Час спустя, Порфирий Иваныч и Силин сидели в ресторане за завтраком и обсуждали план будущей совместной работы.

IV

Распростившись с братом и с гробовщиком, Игнатий Иванович вышел на улицу; приподнявши воротник, застегнул он пальто на все пуговицы, раскрыл зонт и, сумрачно посматривая на прохожих, подозвал извозчика. Против обыкновения не торгуясь, залез он в пролётку и приказал ехать скорее.

В квартиру гробовщика входил он с каким-то щекочущим чувством, а вышел оттуда в подавленном и сумрачном настроении. Знакомое ему гнетущее чувство – боязнь смерти – придавило его, сковало его недалёкий суеверный ум, заполнив его одинокую мистическую душу. Ему казалось, что не в закрытом экипаже сидит он, а лежит в глазетовом гробу с медными ручками и блестящими ножками, и что крупный дождь барабанит не по приподнятому верху пролётки, а по крышке гроба, в котором он лежит ни живой, ни мёртвый... Почему-то в памяти его запечатлелся этот жёлтый глазетовый гроб, с медными ручками и блестящими ножками; будто он сам приехал к гробовщику и выбрал именно этот гроб...

Вернувшись домой, Игнатий Иванович прошёл в спальню, поднял на окна шторы и лёг в постель. Перепуганная расстроенным видом его кухарка обратилась к Игнатию Ивановичу с расспросами – не простудился ли он? не попал ли под конку или под извозчичью пролётку? или не вынули ли у него из кармана кошелёк с деньгами, как это случилось год

тому назад на богослужении в Троицком соборе?

– Нет, нет!.. Нездоровится мне, верно, простудился, – только и пробормотал Игнатий Иваныч и, закинув руки за голову, вытянулся на постели во весь рост.

– Малинки бы вам, Игнатий Иваныч, попить... А?.. Есть малинка-то, прикажите заварить? – участливо спрашивала кухарка.

Чего бы, казалось, ни предложила ему в это время старуха, он на всё бы согласился: в эту минуту Игнатий Иваныч нуждался в сочувствии других и в их совете. Ему представлялось, что если он останется один, – то непременно умрёт, а брат, по знакомству с Силиным, купит именно тот глазетовый гроб, который не выходил из его расстроенной головы, и потом его зароят в сырой и холодной могиле.

Кухарка напоила Игнатия Иваныча горячей малинкой, одела его пальто и шубой поверх одеяла, и, крестясь и что-то нашёптывая, тихонько вышла в соседнюю комнату. Оставшись один, Игнатий Иваныч высунул из-под одеяла голову и беспокойным взором осмотрел спальню. В окна, из-за смоченных дождём стёкол, глядел сумрачный, дождливый день. Ещё большим страданием и страхом переполнилась его душа при виде серых тяжёлых туч, ползущих по небу... Одиночество пугало Игнатия Иваныча, и он позвал к себе кухарку...

– Что, барин, что?.. Нездоровится вам?.. Вишь – и лицо-то какое бледное да худое и под глазами-то сине? – сине?!.. Док-тура не позвать ли?..

Старуха говорила таким тоном, как будто и действительно надо было позвать доктора, хотя в этом не было никакой нужды. Игнатий Иванович согласился с мнением кухарки, и через час явился доктор.

Молодой человек ощупал пульс на руке больного, измерил температуру, осмотрел язык и, задавши несколько вопросов, пожал плечами и задумчиво проговорил:

– Вы, должно быть... У вас, должно быть, была какая-нибудь неприятность?.. Ну, может быть, вы испугались чего-нибудь или получили какое-нибудь неприятное известие?

Игнатий Иванович молчал и вопросительно смотрел в лицо доктора, стараясь по глазам его прочесть то, чего, казалось ему, – тот почему-то не договаривает.

– Вы очень мнительны, должно быть?.. Вот что... – наконец, проговорил доктор, стараясь сколько возможно спокойнее смотреть в глаза больного. – Жарок-то у вас, действительно, есть, небольшой... Ну, да ведь – погода-то нынче вон какая, долго ли простудиться...

Доктор распространился ещё немного о гадком петербургском климате и о погоде последних дней; одоббив лечение малинкой, он преподал больному ещё несколько советов и уехал. После отъезда доктора Игнатий Иванович немного успокоился, пообедал, не вылезая из-под одеяла, и лёг, обливаясь потом: малинка начала своё удивительное действие.

Проснулся он только тогда, когда в спальне было совершенно темно, а из соседней комнаты через неплотно притво-

рѣнную дверь падала узкая полоска света. Из зальца до слуха Игнатия Иваныча донёлся сдержанный говор кухарки и ещё чей-то тихий голос, по которому он скоро узнал брата.

– Брат! Порфирий! – негромко произнёс больной.

– Ты что это, действительно заболел и даже доктора призывал? – спросил Порфирий Иваныч, появившись в дверях спальни и поворачивая лицо в ту сторону, где стояла кровать.

Сзади Порфирия Иваныча шла кухарка с лампой в руках.

– Абажур надень! Фу-ты! – нервно воскликнул он, но потом успокоился, когда раскрасневшееся лицо его потонуло в тени.

– Ну, уж, доложу я тебе, и попали мы в цель! Великолепно! Восхитительно!.. С Силиным мы почти уже до всего договорились, осталось только деньги вложить и начать новое дело... Нет, ты, Игнатий, и представить себе не можешь, как всё это хорошо! Выгодно-то как! Какой процент можно нажить, если дело расширить и новый магазинчик открыть!.. Мы покажем тогда всем этим «Конкордиям»!..

Заметив, что брат ни звуком, ни жестом не отзывается на пламенную речь, Порфирий Иваныч склонился над постелью больного и, вытянув лицо, спросил:

– Ты что, Игнатий, спишь?..

– Нет! – покойно ответил тот.

– Что же ты ничего не скажешь?..

– Что же мне сказать-то?..

– Как, что?.. – изумился Порфирий Иваныч, и в голосе его послышались нотки неудовольствия. – Да ты согласен?.. Согласен ты вложить деньги в это дело?

– Нет, не могу я...

– Почему?..

– Так, нездоровится мне что-то...

– Позволь! Да ведь это не вечно будет... Вон Дарья говорит, что был доктор и сказал, что всё это – пустяки, завтра ты будешь здоров...

– Нет... – не то: здоров я или нет...

– Ну, так что же?.. – нетерпеливо воскликнул Порфирий Иваныч.

– А то, что я не могу вложить деньги в это... Ну, в такое дело! Не нравится оно мне! Не могу я!

– Чудак, право! Да не всё ли равно? Если не мы с тобой, так кто женибудь найдётся и вступит в компанию с Силиным.

– Ну, пусть, кто хочет, тот и вступает, а я не могу и не могу!..

Заслыша в голосе брата раздражение не на шутку, Порфирий Иваныч с минуту помолчал, но потом твёрдо заявил:

– Ну, а я так решил вступить с Силиным в компанию и вот, потом ты увидишь – какую рыбку выпустил из-под самого носа!..

Порфирий Иваныч также вспылал и, твёрдо ступая по скрипучим половицам, прошёлся по комнате. Игнатий Ива-

ныч следил за неуклюжей тенью брата, которая двигалась то по стене, то по потолку, и думал о своём здоровье, о докторе, силясь припомнить его последние слова и сожалея, что дал ему за визит только рубль, а за его слово утешения можно бы было дать два и даже три рубля...

Порфирий Иванович немного посидел, побарабанил пальцами по ручке кресла и, повторив ещё раз, что делается компаньоном Силина, ушёл.

В эту ночь Игнатий Иванович долго не мог заснуть, борясь с невесёлыми, ещё никогда не испытанными им чувствами и настроениями. Чудилось ему, что в нём, помимо воли, выросла и поднялась какая-то сила, и сила эта нудной тяжестью давит мозг и сердце... Смерть во всём чудилась ему, и это отравляло всё его существование.

V

Всё, что было раньше обычным в жизни Игнатия Иваныча, изменилось с этого неприятного визита к гробовщику Силину. Ещё никогда так властно и так продолжительно не овладевала им мысль о смерти. Каждая беспокойная и бессонная ночь не ободряет Игнатия Иваныча, начавшийся день ничего хорошего не сулит, а будущая ночь, как только наступят сумерки, пугает сходством с предыдущей, и кажется нервно расстроенному человеку, что чем дальше – тем будет всё хуже и хуже, и, наконец, явится тот страшный итог всему, которого он теперь так боится!..

Игнатий Иваныч похудел и побледнел. Проснувшись утром после короткой и тяжёлой дремоты, поднимал он отяжелевшие веки и печальным взором осматривался по сторонам. Как всегда, усаживался он за круглый стол перед диваном, пил чай с лимоном и развёртывал чахлый листок уличной газеты. Чтение, впрочем, уже не интересовало его так, как раньше. Бывало, прежде всего он обращал внимание на то, какие в городе назначены аукционы, торги и распродажи, далее его интересовал отдел биржи, справок, и иногда Игнатий Иванович заглядывал в рубрику описания скачек, при чём нередко с неудовольствием прочитывал имена некоторых рысаков, напоминавших ему его неудачи. А теперь, развернёт он газету, посмотрит для чего-то на число и номер,

потом отложит неинтересный лоскут бумаги в сторону и погружится в мрачное размышление. Как гвоздь какой-то, ржавый и режущий, сидит в его мозгу одна и та же мысль. С напрасным желанием отогнать её, он усиленно вызывает воспоминания прошлого, но это прошлое было так бедно, плоско и бледно, что в памяти не осталось ни одного штриха, который теперь остановил бы внимание.

Игнатий Иваныч родился в Петербурге, здесь же провёл годы детства и юности, учился в коммерческом училище, а потом начал служить. За всю эту жизнь он ни разу не выезжал из столицы дальше Парголова, где жил когда-то вместе с родителями, и дальше Сиверской, где когда-то отдыхал одиноко. За всю эту жизнь он дышал атмосферой петербургских дельцов, сначала в лице покойного отца, потом в лице сослуживцев, знакомых и тех многочисленных клиентов банка, где служил. Получил он после смерти отца наследство, и только одно в его жизни изменилось: он перестал служить в банке, ставши теперь уже и собственной персоной в ряду клиентов. Денежные дела, спекуляции, торги и аукционы остановили его внимание, и под руководством смелого брата Игнатий Иваныч попал в новую струю жизни; прошли какие-нибудь полтора десятка лет такой жизни, и вся психика его переменялась... И вдруг теперь, когда в банке на имя Игнатия Ивановича лежит не один десяток тысяч рублей – он хил и бледен и, хотя ещё и не так слаб телом, но уже болен душой. И вот, целые дни одиноко сидит Игнатий Иваныч в

своей квартирке старого холостяка и борется с тяжёлой мыслью о жизни и смерти... Жизнь прожита вяло, однообразно и неинтересно, если не считать тех моментов душевного подъёма, когда что-нибудь удавалось в области денежных предприятий; смерть – ещё неиспытанный источник, к которому судьба толкает слабого Игнатия Иваныча, и вот-вот прикоснётся он к роковой чаше и уснёт надолго... навсегда.

Почему это раньше только жизнь останавливала его внимание? Только она одна и влекла его, – и ограниченный, тупой делец шёл навстречу ей и срывал её цветы, подчас не распутившиеся, подчас увядшие и всегда отвратительные, с противным запахом? Почему это раньше только деньги были божком Игнатия Ивановича, а всё остальное казалось идущим на поклонение этому божку? А теперь знакомое представление – смерть – стало живее и грознее, а старое ощущение – страх – отравляющим каждый длинный день скучной жизни?..

Игнатий Иваныч вздрогнул и повернул лицо от стены, на которой до этого он рассматривал неуклюжий рисунок полинялых и замазанных обоев...

На столе, в простенке между окон, стояла лампа под зелёным абажуром, яркими пятнами отражаясь на полу и на потолке и оставляя остальную часть комнаты в полумраке. На комодe, между подсвечниками с нетронутыми свечами, стоял круглый металлический будильник, с белым циферблатом и с медленно движущимися стрелками. Не раз в про-

должении вечера взгляд Игнатия Иваныча останавливался на этих чёрных стрелках, и на лице его, при этом, отражалось выражение муки, по глазам же одержимого бессонницею человека нельзя было прочесть никакой мысли: желал ли он, чтобы стрелки эти двигались скорее, или, наоборот, пусть они медленно двигаются одна за другою, переползая с одной цифры на соседнюю, замедляя всеокрушающее время и отдаляя страшный конец бытия...

В халате, с расстёгнутым воротом рубахи, Игнатий Иваныч спустил ноги с кровати, ощупал пальцами мягкие войлочные туфли, опустил в них ноги, стал и тихо подошёл к часам. Стрелки показывали без четверти двенадцать. Глухая полночь – страшный мистический момент! С детских лет внушали Игнатию Иванычу страх перед этим таинственным моментом, и вот, все эти дни, он не может заснуть, не может потушить лампы, пока обе стрелки часов, слившись под самой верхней цифрой, немного передвинутся вправо, разойдутся и потом длинная перегонит короткую... Игнатий Иваныч вздохнул и перешёл к столу. На серой вязаной скатёрке, залитая светом лампы, лежала толстая, старинная книга в кожаном переплёте и с пожелтевшими листами славянской печати. Эта единственная в библиотеке Игнатия Иваныча забытая книга, доставшаяся ему от отца, целые годы лежала в комодe с бельём, и только теперь он извлёк её оттуда, и, когда на душе пусто и мрачно, и необъяснимый страх смущает её, – Игнатий Иваныч раскрывает забытую книгу, перели-

стывает толстые, пожелтевшие от времени, страницы и ищет слова успокоения и радости.

Когда-то давно-давно, чужие, неизвестные ему люди целые века прожили в неведомой земле, скитаясь в поисках счастья по знойным пустыням под палящими лучами солнца... Мощные величавые фигуры людей выступают из тьмы времён, а Игнатий Иваныч, слабый и жалкий человек, ищет себе покоя на страницах истории этих больших людей и остаётся глухим к живому слову; книга нема для него...

Чёрствый и ограниченный делец, посвятивший всю свою жизнь золотому тельцу, он заглушил в себе все лучшие чувства и мысли... Когда-то, в школе, ему навязали готовые мысли из другой вечной книги, и он бессознательно воспринял их, а потом, когда не одно десятилетие отделило его от школы – он забыл, что ему говорили когда-то; и жил человек с затасканными правилами жизни, делая то, что делают другие, так же, как и они – слепо... А когда страшный призрак смерти напомнил о себе, и от жизни повеяло холодом и могилой, в сердце не оказалось ободряющего чувства, в голове не нашлось руководящей мысли...

И Игнатий Иваныч закрыл забытую книгу и опустил на руки отяжелевшую голову...

Вместе с уединением от жизни и её тревог Игнатий Иваныч сделался религиозным, почти каждый день посещал церковь, терпеливо выстаивал богослужение, а возвращаясь домой, предавался религиозным размышлениям и читал

Библию. В зальце и в спальне дни и ночи горели неугасаемые лампы; кухарка с удовольствием ухаживала за ними, подливая масла, а Игнатий Иваныч по ночам скорее засыпал в бледно-красных лучах мерцающего пламени. Иногда по вечерам он беседовал со старушкой, в надежде найти в её невежественной душе отклики своим духовным запросам, и скучный вечер тянулся не так заметно. На все религиозные и подчас туманные рассуждения Игнатия Иваныча старушка кивала головою и однотонно повторяла:

– И-и! Игнатий Иваныч! Никто, как Бог! Никто, как Бог!

С братом Игнатий Иваныч виделся редко. В начале Порфирий Иваныч заходил к нему несколько раз, заводя разговор на тему о своём новом предприятии, по-прежнему стараясь склонить брата на участие в совместной работе, но потом ему пришлось отказаться от попыток, и Порфирий Иваныч посещал брата лишь для того, чтобы справиться о его здоровье.

Великим постом один новый знакомый Игнатия Иваныча, старик монах, посоветовал ему съездить в Новгород, помолиться и поговорить в одном из монастырей. Игнатий Иваныч послушался совета монаха и, вернувшись из монастыря покаившимся, немного успокоился...

Вскоре после возвращения Игнатия Иваныча, к нему зашёл брат и долго беседовал. Игнатий Иваныч рассказывал о подробностях своей поездки, о монастыре и о жизни монахов; с особенным воодушевлением рассказывал он о том, как

живут схимники, проводя день в посте и молитве.

– Уж ты и сам не надумал ли в монастырь? – со скрытым беспокойством спрашивал Порфирий Иваныч.

– Нет, уж куда нам с тобой, с грязными-то душами! А вот посмотреть на них, на их праведную жизнь, помолиться, да и...

– Ну что «да и»?..

– Да и умереть в мире и благочестии, – закончил Игнатий Иваныч.

– Ну-у! Пошёл опять! Подожди, успеешь умереть-то! Вечно жив не будешь, – возражал Порфирий Иваныч.

Его вдруг осенила страшная мысль, от которой ему стало даже не по себе. «А вдруг, – подумал Порфирий Иваныч, – уйдёт брат в монастырь, и денежки все там с ним ухнут: пожертвует на что-нибудь там»...

Порфирий Иваныч повернулся на стуле и заговорил громко и воодушевлённо. Отстранив неприятную для себя тему о монастыре, он старался заинтересовать брата другим, рисуя перед ним будущее полным успеха на поприще денежных предприятий, но Игнатий Иваныч оказался плохим собеседником.

Как-то раз Порфирий Иваныч пришёл к брату возбуждённый и разговорчивый больше, чем когда-либо. Игнатий Иваныч встретил его с обычным мрачным выражением в глазах.

– Что-то ты сегодня сияющий? – только и спросил хозяин у гостя.

– А у тебя так, брат, «нос на квинту!» А это куда хуже! Заживо ты себя погребашь!

Игнатий Иваныч ещё больше нахмурился и отвернулся к стенке, натягивая на себя полы халата.

Порфирий Иваныч посмотрел на спину брата, на его лоснящуюся красную шею и, улыбнувшись, спросил:

– Ты, как будто, и не рад моему приходу?

– Почему ты думаешь? – после паузы спросил Игнатий Иваныч. – Не люблю только я, когда ты вот с такой сияющей физиономией.

Мнимо больной повернулся на левый бок и пристально посмотрел в лицо брата.

– Но позволь... с чего же мне-то приходиться в уныние?.. – с недоумением произнёс Порфирий Иваныч и развёл руками. – Впрочем, дело не в этих разговорах. Пришёл я к тебе, чтобы поднять тебя с постели, да встряхнуть получше, чтобы ты хоть немножко на человека походил...

Порфирий Иваныч пересел на постель брата и, обхватив его за талию, начал:

– Дело, брат, отыскалось новое! Слышишь. Мы с Петром Флегонтычем устраиваем склад велосипедов, пишущих машин... ну, там и других разных новейших изобретений... По-братски с удовольствием бы я принял тебя в компаньоны, ты скоро и сам убедишься, как это выгодно... Понимаешь, товар этот идёт страсть как!

Порфирий Иваныч немножко помолчал, как бы ожидая

ответа со стороны брата и, не дождавшись, продолжал:

– Ну, я понимаю... Положим, не в твоём духе гробами торговать, так ведь и другие дела есть!.. А то, посмотри на себя – жалость смотреть! Ханжой какой-то сделался ты, по монастырям разъезжаешь. Не могу же я смотреть на это хладнокровно!..

Расправив кисточку пояса, которым был опоясан брат, Порфирий Иваныч помолчал с секунду и снова продолжал:

– Я не сейчас увлекаю тебя в компанию, а вот – погоди, присмотришь к тому, что мы будем делать, тогда и рассуди. Недельки через две будет готово помещение, и мы начнём своё дело. Магазин, брат, чудеснейший сняли, на Литейной, недалеко от Невского... Товары у нас будут хорошие... а ведь нынче как торгуют этими велосипедами, да машинами разными!.. Ха-ха-ха!.. – рассмеялся Порфирий Иваныч. – Совсем скоро люди разучатся и ходить и писать, а всё, знаешь ли, машины будут: вместо ног – машины, вместо рук – машины, и вместо головы ещё какую-нибудь штуку придумают!

Порфирий Иваныч долго ещё говорил на тему новых изобретений и предприятий, по обыкновению увлекаясь и рисуя перед братом новые соблазнительные перспективы деятельности и новые источники наживы, но Игнатий Иваныч казался непоколебимым в своём созерцании жизни и смерти. Наконец, Порфирий Иваныч встал с намерением уйти.

– Вот что, Игнатий, подумай ты тут на досуге, а потом

и скажи твоё решение: через несколько дней я побываю у тебя... Ну, прощай!

Порфирий Иванович пожал руку брата, подошёл к двери и, останавливаясь у порога, добавил:

– Через две недели, в воскресенье, у нас в новом магазине молебствие по случаю открытия... Непременно приходи... Слышишь, Игнатий!..

– Может быть, – тихо ответил тот.

Порфирий Иванович сообщил брату адрес нового магазина и ушёл. В первую минуту после его ухода Игнатий Иванович хотел было вернуть брата и несколько подробнее расспросить его об условиях нового предприятия, но потом его что-то удержало от этого намерения, и он остался в постели, с которой не вставал целыми днями.

В сущности, острый характер мизантропии, в которую впал предрасположенный к этой болезни духа Игнатий Иванович, миновал, и он переживал теперь какую-то тихую душевную грусть: словно он недавно утратил что-то дорогое и теперь не знает, что с собою делать – искать ли новых предметов увлечения или оплакивать старые, которых уже нет? – Призыв брата участвовать в каком-то соблазнительном новом предприятии ободрил Игнатия Ивановича, и теперь, сидя по вечерам и всё ещё грустя, он нередко задумывался и об этом «новом», о котором так увлекательно говорил брат; порой он даже досадовал, что так медленно движется время, и день освещения нового магазина так далёк!

Наконец, день этот наступил. В воскресенье, часу в двенадцатом утра, Игнатий Иваныч отправился на Литейную, и в заново отделанном помещении застал уже начавшееся богослужение. Недалеко от священника и диакона, облачённых в светлые ризы, стоял Порфирий Иваныч в новом сюртуке и в белом галстуке, а немного поодаль виднелась чистенькая кругленькая фигурка Силина. Пётр Флегонтыч был также в сюртуке, в белом галстуке и в руке держал громадный неуклюжий цилиндр. Всюду в помещении магазина были разложены и расставлены товары. У стены, налево, как войско во фронте стояли велосипеды разных систем, на прилавках и на столах виднелись пишущие машины и какие-то, ещё незнакомые Игнатию Иванычу, приборы и инструменты. Светлое облачение на священнослужителях, чисто начисто выбеленные стены и потолок, вылощенный пол, блестящие новенькие велосипеды и машины, наконец, сияющие физиономии Порфирия Иваныча и Силина и каких-то дам, нарядно одетых, — от всего этого веяло чем-то праздничным, радостным и весёлым, поднимая и в душе Игнатия Иваныча какие-то, давно неиспытанные, чувства. С благоговением присутствуя на богослужении, он усердно молился, прося у Бога ниспослания благодати брату на пути его новой деятельности. Прикладываясь к кресту в руках батюшки, Игнатий Иваныч с каким-то радостным и трепетным чувством вытянул своё лицо и на мгновение закрыл глаза, когда прохладная «святая» вода оросила его лицо, залитое краской возбуждения.

Прослезившись, он расцеловался с братом, когда кончилось молебствие, и с чувством пожал громадную руку Петра Флегонтыча. После молебствия все присутствовавшие на открытии магазина, не исключая батюшки и диакона, отправились к Порфирию Иванычу на завтрак.

VI

Игнатий Иванович возродился. Прежняя необъяснимая тоска, заполнявшая его душу, сменилась покоем и довольством жизнью; страх перед таинственным призраком смерти уступил место жажде жизни, и он, подстрекаемый неутомимым братом, примкнул к новому предприятию, приобцив к капиталу брата и Силина две тысячи рублей. Теперь, вставая утром, он уже не хандрил и не ныл, как это было ещё так недавно, а, напротив, с юношеской торопливостью спешил выпить чаю, пробегая листок любимой уличной газеты, и отправлялся на Литейную. Спешно шагая по шумному проспекту, он издали засматривался на громадную вывеску над дверями магазина и любовался толпою зевак, столпившихся у окон его нового храма возрождения.

Порфирий Иванович не скрывал ни от себя, ни от других того удовольствия, с каким он хвастался, что ему удалось обновить тусклую и неинтересную жизнь брата. Впрочем, и в жизни этого предприимчивого человека немало изменилось. Началось с того, что гробовую мастерскую, в которой по-прежнему орудовал он вместе с Силиным, пришлось перевести с глухой роты полка на одну из шумных улиц, пришлось также расширить и обновить магазин, и дела фирмы «П. И. Петрушкина и П. Ф. Силина» пошли блестяще на зависть другим предпринимателям по производству гро-

бов. Труд между Петрушкиным и Силиным распределялся так: Силин как опытный гробовщик заведовал мастерской, а Порфирий Иванович управлял магазином, принимал заказы на гробы, нередко посещая квартиры новопреставленных, чтобы снять мерку; на нём же лежал труд рекламирования мастерской по случаю перевода её на новое место; Игнатий Иванович заведовал складом велосипедов и других «новейших изобретений».

Игнатий Иванович глубоко благодарил брата за то, что тот помог ему разделаться с тяжёлыми размышлениями о жизни и смерти. Жизнь казалась ему теперь ещё дороже и краше, нежели все эти беспокойные замыкания в самом себе и мрачные размышления, лишаящие его сна, аппетита и делающие каждый грядущий день повторением минувшего, едва пережитого. И всё это изменилось, благодаря такому, в сущности, невинному обстоятельству.

Никогда ещё Игнатий Иванович не был обладателем недвижимой собственности – земли, дома или магазина. Деньги он имел, но это было какое-то кристаллизованное, незаметное для других богатство, которое и сберегалось-то там где-то, в чужих сундуках и охранялось чужой заботливостью. А теперь, подходя к складу велосипедов и других новейших изобретений, он любовался громадной вывеской с собственной фамилией, правда, рядом ещё с фамилией какого-то Силина, но зато он собственными глазами видел начертанные золотом по тёмно-коричневому фону инициалы собственно-

го имени и отчества. В нём вдруг проснулась необъяснимая и необыкновенная жажда *владеть*, – владеть чем-нибудь таким, что было бы заметно и для других, и чтобы его имя связывалось воедино с этим очевидным и осязаемым богатством; в нём день за днём разгоралась жажда иметь много земли или выстроить большой-большой дом, рента с которых давала бы ему тот процент на капитал, ради которого влачила вся его скучная и неинтересная жизнь. Магазин на Литейной стал теперь его единственным предметом внимания и ежедневных попечений. С утра до позднего вечера он почти безвыходно сидел в магазине, поджидая покупателя, который представлялся ему дорогим неизменным другом. Когда этот неизменный друг не являлся, а длинные часы ожиданий становились скучными, он расхаживал по магазину, рассматривая подробности некоторых товаров, с особенным любопытством останавливаясь на сложном механизме пишущих машин, или вступал в разговоры с приказчиками, стараясь внушить им правила обращения с покупателем. Оставаясь одиноким всё в той же крошечной квартирке, свидетельнице недавних мучительных размышлений и тяжёлых настроений, Игнатий Иванович предавался теперь уже другим размышлениям. За вечерним чаем он просматривал, обыкновенно, торговые книги магазина, затем рылся в грудe различного рода каталогов, занимался сравнением цен на товары, или по несколько раз перечитывал письма заказчиков, этих далёких друзей неизвестной ему провинции...

И только изредка, после дня труда и забот, когда Игнатий Иваныч ложился в постель и тушил свечу, его покой смущали неприятные размышления. Невольно прислушиваясь к тишине ночи, начинал он, обыкновенно, с упреков по собственному адресу за прошлые, так бесплодно прожитые годы. Если бы он послушался отца, когда тот незадолго до смерти выражал детям свою последнюю волю, поучая их «не тушить деньги, а пускать их в водоворот дел», – теперь он, наверно, был бы заметным человеком и видным богачом в городе. Чем дальше упрекал он самого себя за эту непоправимую ошибку, тем больше завидовал брату, капитал которого увеличился в пять или в шесть раз, а когда-то они получили поровну, всего-то по семи с половиною тысяч! И, может быть, он был бы теперь и богат и знатен, если бы слушался Порфирия Иваныча и не относился скептически к его замыслам и «американскому» способу бросания своих денег в водоворот риска.

– Ну, что, Игнатий, правду я говорил тебе – слушайся, слушайся! – Вот ты скоро убедишься, что я прав, – начал как-то Порфирий Иваныч, зайдя вместе с братом в ресторан позавтракать. – Дела наши по складу идут прекрасно! Все расходы по отделке магазина и там, другие, разные – давно покрыты. Ежемесячный расход также покрывается с лихвой!..

Игнатий Иваныч молча слушал брата и в тайне благодарил его за всё, за всё. Наговорив ещё немало на тему о пре-

успевании дел, Порфирий Иванович выпил рюмку рябиновки, внимательно посмотрел в лицо брата и, немного понизив голос, таинственно продолжал:

– Может быть, сегодня здесь мы повстречаемся с одним господином... Недавно я с ним познакомился, – интересный, шельма!.. Он просил меня познакомить также его с тобою...

Игнатий Иванович поднял глаза и с любопытством посмотрел на брата.

– Он, видишь ли, разными делами занимается, биржевыми, комиссионными, ну, и другими... Видимо, и деньги у него водятся...

– Но позволь... Зачем же я ему понадобился? – недоумевающе спрашивал Игнатий Иванович.

– Чудак ты, право! Да ведь это все так делают: в нашем деле чем больше знакомых – тем больше рублей... Ха-ха! Наивный ты, брат!.. Дитя какое-то!..

Игнатий Иванович обиделся и замолчал. В этот раз ему не удалось познакомиться с таинственным дельцом, но он не особенно жалел об этом.

– Между прочим, он приглашает всех нас вступить в товарищество и открыть велодром... – продолжал Порфирий Иванович, когда вместе с братом вышел на улицу.

– Велодром?..

– Да, дело это прекрасно пойдёт, если его умело поставить... Я был как-то раз в Москве; дела у них там шли блестяще; а эти велосипедисты народ – ой-ой какой!.. Все, ведь,

они папенькины да маменькины сынки, с шальными деньгами...

По обыкновению, Порфирий Иваныч увлёкся и этой темой, и чего-чего только не наговорил он!

Трудно было сказать, какова профессия Дормидонта Сидорыча Пёрушкина. Всегда он был прилично одет в модное платье и тщательно выбрит, носил модный цилиндр, курил сигары из коротенького янтарного мундштука с золотым ободком; на цветном жилете, прикрывавшем его жирный отвисший живот, постоянно бряцала массивная золотая цепь с брелками. На полном мясистом лице Дормидонта Сидорыча было всегда одно и то же выражение чувства собственного достоинства и безмятежного покоя; говорил он негромко, но убедительно.

Порфирий Иваныч познакомился с ним где-то случайно. Сначала толстяк произвёл на него безразличное впечатление, но потом, когда речь зашла о делах, Порфирий Иваныч сообразил, что человек этот интересный, и, как всегда в таких случаях, его повлекло к новому знакомому как к человеку нужному. Порфирий Иваныч поспешил, конечно, познакомиться с этой находкой и товарищей своих – брата и Силина.

Как-то раз, после утомительной беготни по делам, Игнатий Иваныч зашёл к Доминику выпить рюмку водки и закусить. Это был час, когда ресторан, обыкновенно, переполнен деловой публикой. Потолкавшись у буфета, Игнатий Иваныч запасся кулебякой, отыскал незанятый круглый столик и

уселся возле него. Вдруг неожиданно увидел он Дормидонта Сидорыча. Толстяк сидел у такого же столика с газетой в руках и со сдвинутым на затылок цилиндром. В жёлтых зубах держал он неизменный янтарный мундштук и немилосердно дымил сигарой. Перед ним на столике стоял наполовину опорожнённый бокал с пивом и остатки завтрака...

– Дормидонт Сидорыч, нельзя ли мне около вас примоститься? – начал Игнатий Иваныч, отрывая знакомого от газеты.

– А-а! Игнатий Иваныч! Пожалуйста!.. Здравствуйте!.. – воскликнул тот, пожимая руку знакомого и уступая ему место рядом.

Толстяк отложил газету в сторону, попыхал сигарой и начал расспрашивать собеседника о городских новостях и о делах. Игнатий Иваныч рассуждал о своих делах с заметной уклончивостью, отделяваясь больше общими фразами и пытливо разглядывая узенькие заплывшие глазки Дормидонта Сидорыча.

– Зашёл я сюда, знаете ли, как всегда – позавтракать: думал – кого-нибудь встречу, да вот на этом и пришлось порешить, – он указал рукою на пиво и на блюде с остатками кулебяки и продолжал. – Может быть, мы с вами перейдём в ту комнату, да как следует и позавтракаем?..

Игнатий Иваныч посмотрел на часы, подумал и отвечал:

– Пожалуй... недолго только – в магазин тороплюсь...

– Успеете. У вас там дело на всех парах... Как-то на днях

я заходил к вам, да не застал...

– Да, мне говорили...

Оба поднялись и перешли в соседнюю комнату. Здесь они не сразу отыскивали место: Дормидонту Сидорычу хотелось непременно усесться за столик вдвоём, а такое местечко нашлось не сразу. Наконец, они уселись у окна и начали беседу. Первым заговорил Дормидонт Сидорыч и, очевидно, уже на тему, заранее обдуманную.

– Мы как-то говорили с вами относительно велодрома, – начал он, – дело это давно улыбалось мне, затрудняюсь я только в том, как бы это осуществить... Мне одному-то прямо-таки трудно начать, дело это требует денег...

– Да, дело сложное, – соглашался и Игнатий Иваныч. – Только что же... если бы быть уверенным, что дело пойдёт хорошо – так отчего бы и не попробовать...

– У меня тут наклёвывается одна очень интересная комбинация, – прерывая собеседника, начал Дормидонт Сидорыч. – У одного моего знакомого, видите ли, есть усадебное местечко на Песках... Постройки-то там неважные: деревянный дом и флигель; а место... главным образом, место хорошее: на видной улице и недалеко от Невского... Он не прочь бы и продать его, да, видите ли, связан он некоторыми обязательствами – заложена она, усадьба-то, и всего за пять тысяч рублей... Я бы и один перехватил это местечко-то, да что потом делать?.. А место хорошее – двадцать пять сажень на улице, да тридцать во дворе...

Дормидонт Сидорыч говорил тихим и вкрадчивым голосом, боясь высказать больше того, что было необходимо, чтобы заинтересовать нового человека.

Благодаря своей опытности, он угадал, что Игнатий Иванович не то, что его брат Порфирий. Опытному дельцу ещё при первом знакомстве показалось, что этого «увальня» легче обойти, нежели того «орла» и «доку»; о Силине Дормидонт Сидорыч и не думал. Дела, которыми он занимался, были таковы, что приходилось употреблять в помощь всякого рода ухищрения и обходы, что можно делать только в сношениях с недалёкими или начинающими дельцами. Заметил он также, что Игнатий Иванович жаден до денег, а соединение этих двух качеств – жадности и слепоты – не раз помогало дельцу в его тёмных делишках.

– А как вы думаете – недорого продаст усадьбу ваш знакомый? – наконец, спросил Игнатий Иванович, долго удерживаясь от этого вопроса.

– Нет, дорого не возьмёт... – Дормидонт Сидорыч слегка склонился к собеседнику и таинственно добавил, – дела у него не важные, только бы усадьбу с рук сбыть... Долгов – видимо-невидимо.

Заинтересовавшись сообщением нового знакомого, Игнатий Иванович просил его назначить свидание здесь же или ещё где-нибудь. К себе он никого не решался звать, немного стесняясь за обстановку своей квартиры, где-то на Петербургской стороне, в глухой улице, во втором дворе. Порфирий

Иваныч давно советовал брату переменить квартиру, переселиться в город и обставить новое жильё так, чтобы можно было, не краснея, принимать деловых людей.

– Нам, голубчик, надо показывать себя не замарашками, – наставительно говорил когда-то Порфирий Иваныч, – квартира, костюм и вся вообще внешность, – всё это – великая вещь в нашем деле. На виду стал – так будь, брат, видным. Кредитор – создание чисто плотное, любит он, что бы всё было чисто, красиво, богато... Вот сколько я говорю тебе – купи цилиндр! Сбрось ты этот поганый котелок!.. Опять же часики получше бы завёл, да и цепочку-то, чтобы не краснеть за неё...

Вспомнив наставление брата, Игнатий Иваныч вынул из кармана жилета недавно приобретённые золотые часы с толстой цепью, и, громко щёлкнув крышкой их, проговорил:

– Пора... пора...

Через час Дормидонт Сидорыч сидел в громадном и мрачном кабинете купца Чиркина и с улыбкой на устах повторял:

– Этот не ускользнёт! Нет, не ускользнёт: я обставлю его... Вот тогда вы, Иван Иваныч, перестанете говорить, что я менее опытен, чем ваш друг Терентьев...

Купец Чиркин, человек с седой лысой головой и выпяченными вперёд скулами, побарабанил пальцами по кипе каких-то бумаг и грубо спросил:

– Кто он такой?..

– Кто его знает. Два брата их: один жох порядочный,

нескоро его обойдёшь, ну, а этот – податлив, а главное жаден, – счастливо улыбаясь, говорил Дормидонт Сидорыч, с лаской поглядывая в глаза своего патрона.

– Что же, действуйте, что обещал – то и получите, – говорил купец деловито. – Смотрите, только скорее всё это обделайте, потому – деньги мне нужны, да и он-то, чтобы не прозрел... Главное, от этого, братца-то его, пооберегайте: только с дураком и можно оборудовать это дело...

Дормидонт Сидорыч ушёл от Чиркина, уверяя последнего, что дело оборудует, как следует, и на другой день, утром, зашёл в магазин на Литейной с намерением переговорить с Игнатием Иванычем.

– Случайно встретился вчера с этим знакомым, у которого место-то на Песках, – начал он, пожимая руку Игнатия Иваныча и отводя его к окну, как бы для того, чтобы их разговор не подслушали служащие магазина. – Дело у нас уладится, только надо мне завтра или как-нибудь на неделе увидеться с вами и переговорить кое о чём. Только попрошу вас – держите всё это между нами, потому – дело выгодное, сейчас же налетят коршуны, а этак... тихим-то манером, без конкуренции, лучше...

Толстяк говорил таким глубоко таинственным голосом, что эта таинственность сообщилась и Игнатию Иванычу. Они условились завтра же повстречаться у Доминика и разошлись.

VII

Солидный с виду и деловитый Дормидонт Сидорыч произвёл самое выгодное впечатление на Игнатия Иваныча. Его важная манера держать себя, безукоризненный костюм, перстни на руках, дорогие часы, массивные серебряные портсигар и портмоне, палка с каким-то причудливым набалдашником, – всё это так импонировало и внушало неотразимое впечатление...

Как дитя тайно радовался Игнатий Иваныч при мысли, что перехитрил и брата и Силина, как ни хвастались они своей изворотливостью в делах. Главное же, что радовало его, это уверенность, что наконец-то он сделается обладателем того осязаемого богатства, какое представлялось ему в виде какой бы то ни было недвижимости, и богатством этим завладеет он, помимо влияния и стараний брата, самостоятельно.

Во всё время пути до ресторана он раздумывал на эту тему и, медленно двигаясь по солнечной стороне Невского, счастливо улыбался. Ему представлялось, что, купивши усадьбное место, он расстанется с мыслью о велодроме и начнёт хлопотать о постройке дома, что и солиднее и выгоднее. У него немало было знакомых домовладельцев, благосостояние которых упрочено за счёт бездомных обитателей столицы, покорных всесокрушающей деснице домовладельца.

Известно всем также, как создаются эти многоэтажные дома хорошо испытанными путями займа, залога, перезалога и т. п. Игнатий Иванович не раз беседовал с такими строителями, благодаря этому верному пути стяжавшими себе почёт и уважение, а он мог бы рискнуть на это, располагая не одним десятком тысяч рублей...

Дормидонту Сидорычу пришлось ожидать Игнатия Ивановича несколько минут. Делец казался необыкновенно весёлым и возбуждённым. Непринуждённо смеясь, он предложил другу рюмку коньяку, на что тот охотно согласился. Аппетитно прожёвывая какую-то лакомую закуску, Дормидонт Сидорыч говорил:

– Ну, теперь в путь... Мы позавтракаем у Лейнера, а потом уже и дальше... Не забывайте, Игнатий Иванович, сегодня я распоряжаюсь! – подбадривал товарища толстяк.

В первоклассном ресторане Дормидонт Сидорыч заказал обильный яствами завтрак и попросил подать лучшее вино.

– Вот мы с вами отсюда прямо и отправимся к тому, моему знакомому. Я уже предупредил его, и он будет ждать... Ему очень приятно с вами познакомиться... – смело начал Дормидонт Сидорыч, подливая вино в стакан собеседника. – Дело, знаете сами, важное, и медлить тут нечего... Если с вашей стороны не будет особенной проволочки, то это дело мы втроем скоро оборудуем...

Делец отпил несколько глотков вина и лукаво продолжал:

– Если вам почему-либо покажется невыгодным вступить

в попку одному, то я к вашим услугам, свободные деньги у меня есть...

– Нет, почему же!.. Если он не очень будет дорожиться, то я и один могу, – заявил Игнатий Иваныч и немного омрачился, испугавшись за такой нежелательный исход, и в эту минуту ему страстно захотелось поспешить к знакомому Дормидонта Сидорыча и скорее вступить в переговоры.

С какой-то рассеянностью прикасаясь к кушаньям и непрерывно опоражнивая стакан за стаканом, Игнатий Иваныч торопил с аппетитом завтракавшего собеседника, а тот, заметив нервность Игнатия Иваныча, ещё больше старался разжечь в нём всколыхнувшиеся страсти.

Чиркин, действительно, ещё накануне был предупреждён относительно предстоящего визита. Гостей он поджидал с завтраком, но узнав, что они к нему прямо из ресторана, принялся расхваливать какие-то заграничные вина, плавно поводя рукою к столу, уставленному бутылками.

Немного захмелевшие дельцы начали разговор непосредственно с предмета, которым все одинаково были заинтересованы. Чиркин, не скупясь, расхваливал «местечко» на Песках, а Дормидонт Сидорыч поддакивал ему, стараясь, однако, показать, что держит руку покупателя. После двухчасовой беседы с вином, с восторженными возгласами и с деловым и серьёзным обсуждением вопроса, совещавшиеся порешили, что могут всё кончить на пустяках. Чиркин предложил Игнатию Иванычу из своей суммы, до которой они

договорились, уплатить шесть с половиною тысяч теперь, а остальные было решено рассрочить на два или три года. Покупщик, недолго думая, согласился, и они условились о дне и часе, когда можно будет приступить к совершению акта продажи.

Заметя в собеседнике склонность обзавестись собственным домом, Чиркин принялся доказывать, что никаких велldrомов на усадебном месте устраивать не надо, а, напротив, следует сейчас же приступить к постройке дома.

– А уж людей-то я вам порекомендую хоть сейчас! – говорил он, подливая вино в бокал Игнатия Иваныча. – Кредит у подрядчиков тоже мы с Дормидонтом Сидорычем похлопочем... А там, понятное дело, можно кое-где и в банках перехватить, да и так-то есть люди, которые не любят, чтобы их денежки залёживались.

Чиркин воодушевился, и прежнюю свою речь, полную вздутых и лживых обещаний, начал украшать уже заведомою неправдою.

– Может быть, видели на Васильевском острове мои дома-то? Все они лет десять тому назад также выстроены, а теперь, посмотрите-ка, какую прибыль дают!.. Правда ведь, Дормидонт Сидорыч?..

– Да, да... ещё бы! – подтверждал тот.

Чиркин, упоминая о домах на Васильевском острове, имел ввиду дома, принадлежащие его родному брату; знал об этом и Дормидонт Сидорыч, но его ли дело разуберять

доверчивого слушателя и простодушного неопытного дельца? Сколько мог, он старался теперь только об одном, чтобы сделка состоялась, потому что он выиграет от этого, получив от Чиркина условленные десять процентов, а в случае неудачи, пожалуй, придётся спустить все эти перстни, часы, портсигары и янтарные мундштуки, а без этих атрибутов что же будет делать агент тёмного царства столицы?

Вскоре после этого был совершен акт на запроданную усадьбу на Песках, и только уже после того, как были вручены Чиркину шесть с половиною тысяч, Игнатий Иванович рассказал брату и Силину о своих планах. Те оба обрушились страшным негодованием и открыто называя Игнатия Ивановича «изменщиком». Обманутые Игнатием Ивановичем компаньоны понимали, как дёшево приобрёл тот усадьбу, на которой можно, действительно, выстроить доходный дом.

Особенно сильно негодовал на него Силин. Стараясь почему-то замаскировать свои чувства, он говорил сладким и вкрадчивым голосом:

– Ведь если мы, дорогой мой Игнатий Иванович, все трое будем держаться друг друга – то ведь каких дел-то натворим! Ведь мы никого бы посторонних не допустили к этому делу... Дом-то этот мы выстроили бы, да и продали бы его... А за какую сумму!.. А там опять бы ещё и ещё дом!..

– Конечно, конечно, Игнатий... Это непростительное с твоей стороны поведение... Хоть бы слово! Хоть бы намёк!.. Мы не чуждались тебя!.. Да... нехорошо...

По лицу Порфирия Иваныча блуждали красные пятна, руки и ноги тряслись от такого неожиданного поражения.

– Но, позволь, Порфирий. Разве я не могу распоряжаться своими деньгами?.. В чём могу, я не отступлю от вас, работаю в компании, ну, а в этом деле мне захотелось попробовать силы самостоятельно, – также возбуждённо возражал «изменщик».

Такие пререкания, впрочем, не повлияли на отношения братьев и Силина друг к другу. Последний, вместе с Порфирием Иванычем, простили «изменщику», чувствуя, что ссориться с ним вообще невыгодно.

Благодаря стараниям Чиркина и Дормидонта Сидорыча, Игнатий Иваныч принялся за строительство. Деревянные постройки на запроданной усадьбе были сломаны, а месяца два спустя после этого было приступлено к закладке фундамента во всю ширину усадьбы по улице. Правда, капитал Игнатия Иваныча сильно поубавился после этой сделки, потому что, кроме условленных шести с половиною тысяч, вручённых Чиркину, пришлось ещё выдать до тридцати тысяч подрядчикам и архитекторам, но, несмотря на это, он торжествовал, всецело занявшись постройкой. В магазине он бывал уже реже, с братом и Силиным виделся также нечасто.

Прошло полгода – и вдруг неожиданно над Игнатием Иванычем разразилась гроза. Усадьба, которую запродавал ему Чиркин, как оказалось, не принадлежала изворотливому дельцу, а он был всего лишь опекуном сирот-племянников,

которым, собственно, и принадлежала эта усадьба. Разорившемуся дельцу, запутавшемуся в разных тёмных делишках, необходимо было добыть до семи тысяч рублей, чтобы выкупить выданные им когда-то подложные документы, за совершение которых Чиркин подвергнулся бы большему наказанию, нежели за нарушение некоторых пунктов по управлению вверенным его попечению имуществом сирот. Сделка Игнатия Иваныча была признана незаконной, и договор его с Чиркиным потерял силу. Чиркин, впрочем, не избежал тюрьмы, улизнул только от наказания Дормидонт Сидорыч, скрывшийся неизвестно куда. Иск Игнатия Иваныча, которым ему хотелось взыскать выданные задатки с подрядчиков, также не сослужил никакой службы обманутому строителю; ему же пришлось ещё уплатить судебные издержки.

Потрясённый происшедшим, Игнатий Иваныч заболел и слёг в постель. Услышав о случившемся, Порфирий Иваныч поскакал к брату, и видя, что с ним дурно, привёз доктора, которому пришлось констатировать у пациента нервное потрясение.

– Что будет дальше – трудно предсказать, но в такие годы... я вас должен предупредить как брата... В такие годы дело кончается дурно... – заключил доктор, на ухо передавая свои опасения Порфирию Иванычу.

– Что же, вы думаете, будет с ним? – с испугом спросил тот.

Доктор пожал плечами, как бы изумляясь недогадливости

слушателя, и тихо добавил:

– Может быть... лёгкое помешательство; больной, очевидно, пережил большую неприятность.

Порфирий Иваныч закусил верхнюю губу и покосился на дверь в спальню, где лежал больной.

После ухода доктора он прошёлся по комнате и осторожно заглянул за дверь. Игнатий Иваныч лежал в постели с высоко приподнятой на подушках головою. Глаза его, немного сощуренные, но лихорадочно блестящие, были устремлены в одну точку; скрещенные руки покоились на груди, полы халата беспорядочно размётаны по сторонам. Больной, очевидно, не заметил высунувшейся из-за двери головы брата, продолжая всматриваться в окно, а Порфирий Иваныч, притаив дыхание, скрылся и бесшумно опустился на диван.

Болезнь брата обескуражила его своею неожиданностью, а что болезнь эта была серьёзна, в этом Порфирий Иваныч не сомневался, припоминая тон голоса доктора, с которым тот высказал свой приговор. Ещё так недавно они вместе, ничего не подозревая, работали; не прошло и полгода после того, как они немного повздорили, упрекая друг друга в измене – и вот теперь – конец всему. Когда тянулся процесс Чиркина, в котором косвенно фигурировал и Игнатий Иваныч, он глубоко скорбел, что треплется имя того, кто уже на краю могилы, но, вот, процесс этот кончился благополучно для брата, и этот, поседевший за одну ночь, человек, оказался почти нищим.

Порфирий Иваныч знал, сколько денег было вложено братом в предприятие по складу, знал, сколько тысяч было безрассудно ухлопано на постройку, и его занимал теперь вопрос – сколько ещё осталось денег у брата после всех этих неудач? Разрешить этот вопрос Порфирию Иванычу хотелось во что бы то ни стало, но он почему-то не мог решиться задать его брату. Невольно задавался он и ещё одним вопросом, и почему-то также боялся попытаться разрешить его, и, вместе с тем, ему страстно хотелось знать, как распорядится брат оставшимися деньгами перед смертью. Он знал, конечно, и верил в то, что существующие законы в пользу его, единственного наследника, не сомневался он также и в том, что духовное завещание, составленное человеком не в твёрдом уме, легко оспорить, и не боялся дурного исхода, если бы брату вздумалось пожертвовать деньги какому-либо постороннему лицу или учреждению... Несмотря на эти соображения, ему всё-таки хотелось знать, чем дело кончится.

Порфирий Иваныч поднялся с дивана и, подойдя к двери и заглянув в спальню, попятился, встретившись с неподвижными глазами брата.

– Игнатий! Доктор сказал, что это пустяки – переутомление, – начал он, подходя к больному.

– А?.. Пустяки, говоришь?.. – беспокойно забормотал тот и нервно задвигал руками. – Разумеется, пустяки... Да... да... У меня ещё осталось... Не всё эти глоты хапнули, не всё!..

Игнатий Иваныч спустил ноги с постели и попытался было встать, но после неудачной попытки быстро опустился на кровать.

– Успокойся, Игнатий! Успокойся!.. Доктор говорил о твоей болезни, а не о деньгах.

– О болезни?..

– Да, он говорил, что дело пустое, и ты скоро поправишься...

Игнатий Иваныч дико посмотрел на брата и с шёпотом в голосе спросил:

– А если не поправлюсь, то умру?.. Да?..

– Да нет же!.. Ты ляг и успокойся. Дело в том, что все люди... ну, когда потеряют что-нибудь, то после этого нервы у них немного не в порядке... Понимаешь, переутомляются очень. И со мною это было...

Порфирий Иваныч помолчал и, видя, что брат ни одним звуком не отозвался на его рассуждения, продолжал:

– А относительно денег ты не беспокойся – наплевать... Со всеми бывает... Ну, в одном деле потерпел убыток, так в другом заработаешь... Ты смотри, как хорошо идут наши дела по магазину... Скоро, брат, мы все твои неудачи покроем...

При слове «магазин» растерянная мысль Игнатия Иваныча как бы встряхнулась, и он совершенно разумно принялся рассуждать о делах, строя планы на будущее, напоминая брату о сроках, когда необходимо сделать платежи по вексе-

лям, высказываясь также и о новых заказах на товар. Порфирий Иванович обрадовался, видя брата здраво рассуждающим, и всеми силами старался поддержать в нём этот скоро иссякающий источник света.

– А вот, ты всё, бывало, бранился, что я коплю да «тушу» деньги... Вот теперь и расхлёбывай кашу! – после продолжительной паузы начал Игнатий Иванович, снова сбиваясь на тему, больше других близкую ему теперь.

– Ах, право, Игнатий! Да не думай ты обо всём об этом. Ну, что за пустяки! Разве можно изводить себя из-за таких мелочей, погоди – наживём снова!.. Ведь у тебя ещё, слава Богу, осталось?

– Ма-а-ло!.. – страшным, сдавленным шёпотом протянул Игнатий Иванович.

Порфирий Иванович вздрогнул.

– Мало!.. Мало... – продолжал больной, снова пытаюсь приподняться. – Тысячи четыре не наберётся... Да, да, всё, всё обобрали!

Игнатий Иванович заплакал горькими слезами и спрятал лицо своё в ладонях рук. Порфирий Иванович беспомощно смотрел на трясущуюся голову брата, бесплодно стараясь успокоить его. Игнатий Иванович замер на минуту, потом опустил руки и, в упор смотрев в лицо брата, спросил:

– А ты дашь мне взаймы?.. А?.. Дашь?..

– Господи!.. Конечно, дам!.. Конечно!..

Порфирий Иванович хрустнул пальцами сложенных рук,

продолжая:

– Разве ты можешь сомневаться в этом, Игнатий?.. Раз тебе понадобятся деньги, то – сделай одолжение – бери... бери...

Игнатий Иваныч немного успокоился, лёг в постель и, как и прежде, скрестив на груди руки, уставился на окно неподвижными, ещё красными от слёз глазами. К вечеру он немного успокоился и высказал желание уснуть. Обрадованный этим Порфирий Иваныч распрощался с ним и ушёл. В кухне он долго шептался с кухаркой, объясняя той болезнь брата, и наказал старухе следить за больным ночью, и в случае, если ему будет худо, немедленно известить его об этом. Пообещав заехать на другой день вместе с доктором, Порфирий Иваныч уехал.

VIII

Через неделю Игнатия Иваныча перевезли в Н-скую больницу душевнобольных, потому что оставить его дома было бы небезопасно.

Приехав к брату на другой день, как было обещано, Порфирий Иваныч уже по лицу кухарки догадался, что с больным худо.

– Всю ночь, батюшка мой, Порфирий Иваныч, не спал он! Всю ночь! – боязливо шептала ещё не оправившаяся от пережитых тревог старуха, помогая гостю раздеться.

– А что?.. Что он делал?..

– Сначала всё в постели лежали, да этак всё что-то говорили сами с собой, а потом вдруг это зубами скрежетать начали. Бегу я в спальню со свечкой, а он как на меня крикнет!.. Я было к соседям, да вовремя вернулась: мол, что это я делаю?.. Тут – верно с час время прошло – призывает он меня и лампу приказывает засветить... Обрадовалась я, чайку ему предложила, а он отказался... Уселся он у стола, да всю ночь и перебирал бумаги какие-то... и по сей час, смотрите-ка, сидит...

В полуотворённую дверь Порфирий Иваныч взглянул чрез зальце в комнату брата и увидел его склонившимся над столом, заваленным бумагами.

– Брат! – наконец, решился произнести Порфирий Ива-

ныч.

Заслыша окрик, больной повернул искажённое неудовольствием лицо и беспокожно спросил:

– Что?.. Что тебе?..

Руками при этом он сделал такое движение, как будто хотел защитить бумаги от какого-то таинственного похитителя. Заметив это движение, Порфирий Иваныч, насколько мог ласково, проговорил:

– Игнатий! Это я... Я – Порфирий Иваныч, брат твой.

– А-а, ты?.. Ну иди, садись... только вот тут, – и Игнатий Иваныч жестом указал через порог на один из стульев, стоявших в зальце.

Гость покорно опустился на указанное место и, понизив голос, начал:

– Я к тебе, как обещал вчера... Тебе бы лучше, Игнатий, не выходить несколько дней, а я там в магазине всё сделаю, что нужно.

– Не выходить? – А разве это можно... Разве ты не знаешь, кто он, этот-то, рыженький-то?.. Вор он, шельма! Он ограбит нас, ограбит!..

– Полно, Игнатий! Он честный человек! Никого он не ограбит, да и нельзя, если бы и захотел, ведь кассой-то ты заведешь, – старался успокоить брата Порфирий Иваныч.

– А... да... правда... А вот в чём дело! – сбивчиво начал Игнатий Иваныч. – Ты мне дай взаймы-то, хоть тысяч пять... А? Дашь, Порфирий?..

– Дам, конечно, если понадобится...

– Дай, дай!.. Нужно мне... Всего меня обокрали!.. Все-го...

Игнатий Иваныч захрипел как-то страшно, словно шею его сдавили чьи-то руки, и приподнялся. Уставившись в какую-то точку стола, шёпотом он продолжал:

– Шесть с половиною тысяч выдал я ему!.. Да-а!.. А там этому ещё, подрядчику-то!.. – Ну, как они?.. – вдруг воскликнул он и ухватился за рукав сюртука Порфирия Иваныча. – Как его, Порфирий...

Больной неистово кричал, хлопая левою рукою по столу, а пальцами правой теребил руку брата. Тот испуганно смотрел в красное от негодования лицо Игнатия Иваныча и опасливо сторонился, чувствуя боль в руке...

Игнатий Иваныч заплакал, а потом рыдания эти закончились громким истерическим хохотом. Глаза его дико блуждали, губы искривились, на висках выступили красно-багровые жилы. Порфирий Иваныч даже не узнавал этого искажённого мучениями лица, проникшись вдруг каким-то странным, двойственным чувством: он и жалел брата, и ему казалось страшным и противным его искажённое безумием лицо.

Этот припадок оказался началом конца Игнатия Иваныча. Но смерть не страшна для безумного человека, его страшат те идеи, которым не суждено осуществиться, или то, чего не избежал его больной мозг, и что тщетно отгоняло сознание.

В больнице Игнатий Иваныч никого не узнавал. Речь его

была несвязна и казалась странной тем, кто ей внимал; поведение его иногда смешило докторов, сиделок и служителей...

Всегда почти говорил он о деньгах, о строящемся доме и о том, как он будет получать с жильцов деньги.

Иногда он с бешеным криком и с пеной у рта убегал от докторов и фельдшеров, узнавая в них Чиркина... В таком припадке он делался буйным, и по отношению его приходилось принимать соответствующие меры. А потом, когда буйный порыв проходил, Игнатий Иваныч делался спокойным и стоворчивым, начиная речь о магазине. Иногда он ждал прихода Порфирия Иваныча, который, будто бы, обещал принести выручку, но когда брат приходил – больной не узнавал его... С собою постоянно Игнатий Иваныч носил толстый кожаный бумажник, наполненный разноцветными лоскутками бумаги, и он часто и подолгу пересчитывал эти бумажки, нашёптывая какие-то таинственные цифры...

Умер Игнатий Иваныч тихо, точно заснул... Когда безумный испустил последнее дыхание, и смерть сомкнула побледневшие уста, полузакрывшиеся глаза, казалось, выражали глубокое изумление... Когда труп перенесли в покойницкую, служители с большим трудом разжали заочневшие пальцы и вынули из их объятий бумажник с лоскутками никому ненужных бумажек...

Игнатия Иваныча хоронили просто. Накануне похорон Порфирий Иваныч сам сопровождал в больничную покойницкую красивый гроб, обитый светло-жёлтым глазетом и на медных блестящих ножках, чистым золотом отливали и узорные медные ручки... Гроб был сооружён в мастерской «П. Ф. Силина, П. И. Петрушкина и К°». Сам Силин несколько раз заходил в мастерскую и руководил работой.

Когда погребальные дроги, запряжённые четвернёй, тащились по улицам, во главе немногочисленной процессии шли Порфирий Иваныч и Силин. Оба были в цилиндрах с трауром и печальным выражением на лицах.

Погода в этот день была какая-то странная, какая нередко бывает в ноябре. Солнце светило ярко и даже пригревало; по небу, толпясь, неслись громадные клочья густых серых туч... Набегут тучи на солнце – улицы потемнеют, и сделается холодно, отодвинутся дальше – и опять светит солнышко, и снова тепло...

Шагая за гробом, Порфирий Иваныч грустил, посматривая на металлический венок, возложенный на крышку гроба. Когда тучки застилали солнышко – венок казался тусклым, ветви его, окрашенные под цвет зелени – темнели, тусклыми казались и медные ручки и ножки гроба.

«Вот, право, только не посмотри за ними – беда, непре-

менно напортят что-нибудь», – подумал Порфирий Иванович, всмотревшись в ножки гроба и заметив, что одна из них криво вставлена в нижнюю доску...

Солнце заслонила тучка – венчик потемнел... На улице стало холоднее...